

«Сволочь не такое уж ужасное слово»

Перед премьерой фильма «Сволочи» режиссер АЛЕКСАНДР АТАНЕСЯН ответил на вопросы АНДРЕЯ ПЛАХОВА.

— Ваш фильм о войне?

— Нет. Да. Так же, как о войне и не о войне «Иваново детство».

— Но эти события имеют историческое соответствие?

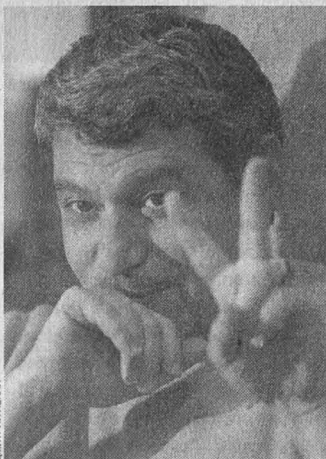
— А разве это имеет значение?

— Для кого-то — имеет. Особенно когда речь идет о войне.

— Я противник того, чтобы мерить кино и вообще искусство стопроцентной исторической достоверностью. А «Мастер и Маргарита» достоверен? Что, Воланд действительно посещал Москву? Для меня достоверность в другом — в воссоздании атмосферы эпохи, костюмов, среды; в этом нам очень помог клуб «Война», который занимается военной атрибутикой. Это необходимо, чтобы зритель поверил в историю на эмоциональном уровне.

— Как вы выбирали подростков и как с ними работали?

— Когда-то я служил школьным учителем, причем именно с ребятами переходного возраста — и хорошо его чув-

ствую, мне этот опыт очень пригодился. Выбирали по типажу, по способностям и еще — чтобы с человеком было комфортно работать. По принципу внутренней дисциплины. Например, если парень курил тайком, а говорил, что не курит, это в съемочной группе не приветствовалось.

— С таким нельзя идти в разведку?

— Да, кино — это разведка. Когда-то я проводил вечер встречи с Андреем Тарковским, и кто-то из зала прислал записку с тем же вопросом: как вы работаете с актерами? От-

вет был такой: «А я стараюсь выбирать актеров, с которыми не надо работать». Андрея Панина я первым снял в фильме «24 часа». С ним мне комфортно и почти ничего не надо объяснять. Это великий актер диапазона Смоктуновского, может сыграть все: от Деточкина до Гамлета. Я готов снимать его в каждом своем фильме, будь там для него хотя бы роль старушки. Андрей Краско — артист меньшего диапазона, зато с убийственной органикой. Иногда он мне напоминает Роберта де Ниро: вроде ничего не делает, чуть поменяет пластику — и получается потрясающий новый образ.

— В фильме нет женских ролей?

— Ни одного женского лица.

— Все сволочи — мужчины? А почему вы назвали картину таким резким, грубым словом?

— Но ведь запоминается! А вы знаете, откуда оно пошло? Петр Первый приказывал — «...и прочих сволочей», ударение на последнем слоге. То есть притащить бездельников и тех, кто отлынивал от работы. Не такое уж оно ужасное, это слово.

Коммерсантъ. - 2006. - 3 февр. - с. 24